

Лидия Алексеевна Чарская

Игорь и Милица (Соколята)

Москва
Книга по Требованию

УДК 82-053.2
ББК 84-4

Лидия Алексеевна Чарская

Игорь и Милица (Соколята) / Лидия Алексеевна Чарская – М.: Книга по Требованию, 2011. – 112 с.

ISBN 978-5-458-04128-7

Причудливые, полные интриг приключения героев повестей Чарской переплетаются с их высокими, благородными чувствами и поступками. В том мире, который создала Лидия Чарская, негодяям и мерзавцам не удается взять верх над светлыми, честными, чистыми душами. Ее герои такие, какими в главном наверняка хотелось бы стать и тебе: чтобы, несмотря на препятствия, все удавалось, чтобы тебя любили хорошие люди, а твоя душа отзывалась на эту любовь, бескорыстно и преданно.

ISBN 978-5-458-04128-7

© Издание на русском языке, оформление, «

YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «

Книга по Требованию», 2011

Лидия Алексеевна Чарская
Полное собрание сочинений
Том тридцать седьмой

Повесть для юношества из великой европейской войны
Исправлено в соответствии с современной орфографией.

Игорь и Милица

(Соколята)

Часть I

Глава I

Звук гонга прозвучал над садом и протяжно замер вдали...

И в тот же миг в алом пламени заката, охватившем пожаром старый институтский сад, в его тенистых аллеях замелькали небольшие женские фигуры, устремившиеся на главную площадку, расположенную перед крыльцом.

Второй удар гонга застал воспитанниц уже выстроившимися стройными рядами перед высоким подъездом массивного, величественного здания, с окнами, эффектно озаренными алым румянцем заходящего солнца.

Классная дама в синем платье, с очками да круглом добродушном лице, несколько раз ударила в ладони и, повысив голос, сказала:

- В пары, дети, в пары. Идем к ужину.

Стройно, двумя рядами, двинулись большие и маленькие воспитанницы в длинных форменных платьях, с белыми передниками, покрывающими цветной жесткий камлот с белыми же пелеринками, наброшенными на плечи.

- Прощай до завтра, старый сад!

Полная, русоволосая девушка, находившаяся в последней паре, беспокойно оглянулась назад.

- А где же Милица? Ты не видела ее, Наля?

Высокая шатенка Наля Стремлянова покачала своей миниатюрной головкой.

- Она, кажется, была в беседке на последней аллее. Следовало бы ее позвать. А, впрочем, это дело Нюши. Кому же, как не нашей Гореловой позаботиться о ее подруге?... Боюсь, как бы не досталось Миле... Жаль ее... Она и так ходит какая-то грустная все последнее время.

- А ты думаешь, весело жить на чужбине, да еще тогда, когда ее родина переживает такие тревожные дни?

- Ах, все мы оторваны от родных, все мы здесь на той же чужбине, - немного раздраженно произнесла толстушка. - Разве тебе, Налечка, приятно прозябать нынешнее лето в институтской тюрьме? И какое глупое, какое нелепое правило оставлять выпускной класс на все лето в институте якобы для усовершенствования в церковном пении и языках! Многому мы выучимся за три месяца, подумашь!

И толстенькая Верочка капризно оттопырила губы.

- Ну, не скажи, - начала было ее подруга и замолчала, остановившись на полуфразе.

Перед обеими девушками появилась синяя фигура классной дамы, Софьи Никаноровны Кузьмичевой, дежурившей это лето у выпускных.

- Mesdemoiselles, вы не видели Петрович? Где она?

- В самом деле, где же Петрович? Где Милица? - пронеслось по рядам институток.

- В саду ее нет, mademoiselle Кузьмичева. Я после первого гонга обежала все

аллеи, - поспешила заявить маленькая, черноглазая, черноволосая Ада Зыркова, дежурившая в этот день.

- Не может быть, однако, чтобы она поднялась в такую рань в дортуар, - уже заметно начиная волноваться, сказала наставница.

- Надо спросить Нюшу. Нюша Горелова всегда с Милицей. Попугайчики insiparables, Орест с Пиладом... Спросите Нюшу! - послышалось из передних пар.

Худенькая, стройная, похожая на мальчика, с задорными карими глазами, Нюша в тот же миг предстала перед озабоченным лицом классной дамы.

- Где Петрович? Вы не видели ее? - И глаза из-под очков пытливо и внимательно посмотрели на молодую девушку. Но карие плутоватые глазки последней стойко выдержали этот взгляд.

Хотя Нюша Горелова, закадычная «на жизнь и на смерть» подруга молоденькой сербки Милицы Петрович, могла бы многое что рассказать, но она скорее даст отрезать себе язык, нежели выдаст подругу. Не скажет она, где ее Миля, не скажет ни за что!

Потупляются лукавые, бойкие глазки, складываются с самым смиренным видом «коробочкой» руки у талии и, отвесивая низкий реверанс, черненькая Нюша отвечает самым невозмутимым тоном:

- Я не знаю, где Петрович, mademoiselle. Я ничего не знаю...

Глава II

Алый пламень заката все еще купает в своем кровавом зареве сад: и старые липы, и стройные, как свечи, серебристые тополи, и нежные белоствольные березки. Волшебными кажутся в этот час краски неба. А пурпуровый диск солнца, как исполинский рубин, готов ежеминутно погаснуть там, позади белой каменной ограды, на меловом фоне которой так вычурно-прихотливо плетет узоры кружево листвы, густо разросшихся вдоль белой стены кустов и деревьев.

Где одна сторона каменной стены встречается, образуя угол, с другой, за плющевой беседкой, в образовавшемся за ней уютном маленьком уголке, за кустами дикого шиповника и волчьей ягоды, - там любимое место Милицы. Они, вместе с Нюшой Гореловой, открыли его. И здесь они проводят большую часть дня, устроившись на толстом корявом суку древней вековой липы. Днем здесь тенисто и не жарко под защитой высокой стены, дающей прохладу вместе со старой липой, гостеприимно разбросавшей свои зеленые объятия, а вечером всегда чудесно-свежо и, главное, пустынно и тихо, вдали от шумного роя подруг, от доброй, но немного скучной m-lle Кузьмичевой, постоянно требующей от воспитанниц неизменной, то французской, то немецкой, болтовни.

Здесь же, среди кустов и зелени, под защитой белой каменной ограды, нет ни милых шаловливых воспитанниц, ни требовательной Кузьмичевой.

Даже свою любимицу Нюшу Горелову отсылает часто отсюда Милица, чтобы, как следует, вдоволь погрезит и помечтать наедине самой с собой.

Ах, она любит эти тихие вечерние часы, эти алые закаты, это горящее гигантским рубином умирающее солнце! Любят - этот бесшумно подкрадывающийся вечер, постепенно выводящий агатовую ночь... Увы, до самой ночи ей здесь нельзя оставаться! С первым ударом вечернего гонга надо прощаться со своей милой засадой и спешить к ужину и к молитве. Какая тоска! Опять шум и гомон

веселой девичьей стаи, опять периодические выкрики Кузьмичевой: «Parlez franзais, mesdemoiselles, mais parlez donc franзais» (*Говорите по-французски, барышни, да говорите же!*), и милые, нежные заботы и расспросы Нюши, от которых ей, Милице Петрович, хочется убежать и скрыться на край света порой.

Побыть бы подольше так, в тишине и покое! Отдаться сладким и грустным мыслям о далекой любимой родине, о том незабвенном и дорогом, что осталось позади, там, далеко, на берегу тихого Дуная и милой Савы.

И особенно теперь, когда темная туча собралась над родной стороной, когда последней угрожает страшная опасность от руки более могущественной и сильной соседки-Австрии, после этого несчастного убийства в Сараеве австрийского наследника престола эрцгерцога Франца Фердинанда, (*15 июня 1914 г. в Сараеве, городке, принадлежащем по аннексии Австрии и населенном по большей части сербами, были выстрелами из револьвера убиты эрцгерцог Франц Фердинанд с супругой.*) убийства, подготовленного и проведенного какими-то ненавидящими австрийскую власть безумцами, и которое австрийцы целиком приписывают едва ли не всему сербскому народу!

Когда Милица прочла известие об этом роковом убийстве, то пришла в ужасное волнение, точно предчувствуя те последствия, которые повлечет за собой этот роковой случай. Точно кто-то шепнул Милице про эти страшные последствия для ее милой родины; кто-то подсказывает ей, что грозная соседка маленькой Сербии, Австрия, придерется к роковому случаю, чтобы извлечь, возможно больше, выгод для себя за счет мирных соседских владений маленького королевства. Как и все ее одноплеменники там, далеко, на берегах синего Дуная и Савы, Милица, оторванная уже шесть лет от родины, угадывала со дня Сараевского случая всю неизбежность войны. Когда же появились в газетах несправедливые, жестокие требования, предъявленные ожесточенной Австрией маленькому Сербскому королевству за Сараевское убийство, на которые все-таки почти согласилась Сербия, и которые, однако, не умиротворили Австрию, - все еще раз поняли, что война неизбежна. Газетное сообщение о предъявленных условиях Сербии Австрией, Милица прочла накануне вместе с подругами после вечерней молитвы и теперь душа маленькой сербки не находила себе покоя.

Шесть лет тому назад, в силу сложившихся обстоятельств, ее тетка, сестра отца и вдова убитого в турецкую войну русского офицера, взяла из родительского дома тогда еще десятилетнюю девочку Милицу и привезла ее в Санкт-Петербург.

Вся семья отставного капитана Петровича, отца Милицы, сражавшегося когда-то против турок в рядах русского войска и раненого турецкой гранатой, оторвавшей ему обе ноги по колено, жила на скромную пенсию главы семейства. Великодушный русский государь повелел всех детей капитана Петровича воспитывать на казенный счет в средних и высших учебных заведениях нашей столицы.

Старшие сестры Милицы, которой еще не было тогда и на свете, Зорка и Селена, теперь уже далеко немолодые женщины, имевшие уже сами взрослых детей, получили образование в петербургских институтах. Старший брат ее, Танасио, давно уже поседевший на сербской военной службе, окончил петербургское артиллерийское училище. И ее, маленькую Милицу, родившуюся больше, чем двадцать лет спустя после турецкой войны, тоже отдали в петербург-

ский институт, как только ей исполнилось десять лет от роду.

Из всей семьи только Иоле, маленький сын капитана Петровича, бывший только на год старше Милицы, провел все свое детство на родине, под боком у престарелых родителей. Счастливчик Иоле! Он мог теперь, в это тяжелое время, быть вместе с ними! Мог обсуждать совместно с дорогими стариками грозные обстоятельства, надвигающиеся тучей с австрийского горизонта! А она, Милица, она здесь - одна... Правда, ее любят подруги. Правда, они все здесь так предупредительны и добры к ней. Весь класс носит ее на руках, как говорится, и обращается с ней так чутко и нежно. Но никакие заботы, никакое сердечное расположение этих милых девушек не смогут заменить ей, Милице, хоть один час (хотя бы один только) пребывания ее там, на родном берегу тихого Дуная, под родительским кровом милого, маленького, белого домика, среди дорогих, близких сердцу! Вместе бы надеяться и вместе бы горевать с ними в эти грозные и печальные дни! Что-то жгуче-острой волной приливает сейчас к сильно бьющемуся сердцу Милицы. Неудержимая грусть заставляет вдруг забиться сильно-сильно это маленькое встревоженное девичье сердечко. И синие, синие, как воды родной реки, глаза девушки туманятся теперь слезами.

Вот вспыхивает острым воспоминанием мысль... Близким воспоминанием родного прошлого... Дорогие сердцу картины, которых ни даль расстояния, ни время разлуки никогда, никогда не вытеснят у нее из головы...

Вот она, безгранично дорогая сердцу река. Сколько слез народных видели на своем веку эти тихие, безмятежные по виду воды!... Греки, турки, болгары, австрийцы не однажды проникали сюда, в маленькое королевство, в его столицу, в белый город. На противоположном берегу реки, в какой-нибудь версте расстояния всего лишь от Белграда, стоит могущественная, сильная крепость австрийцев Землин, с дулами орудий, зловеще выглядывающими из амбразур ее и направленными на сербскую столицу, утонувшую в зелени изумрудных виноградников и в кущах тенистых каштанов и тутовых садов.

Белые, чистенькие, по большей части одноэтажные домики. Изредка лишь попадаются трехэтажные здания на главной улице и на городской площади. Это - казенные здания, правительственные дома. И роскошный поэтический парк, разбитый на старых валах крепости, над самым берегом реки.

И большой, красивый королевский дворец «Новый Конак» на улице князя Михаила, с окружающим его нарядным садом...

Неподалеку отсюда кипит ярмарочная площадь. Сюда съезжаются окрестные крестьяне в повозках, запряженных волами. Здесь продают мясо, живность, посягают.

Сколько раз в раннем детстве убегала сюда вместе с Иоле, сопровождая няню Драгу, в утренние, ранние часы Милица! Синий Дунай в эти часы отливал золотом восходящего солнца. Тень бросала на дорогу изысканное кружево рисунка от листвы каштановых и тутовых деревьев. Белые домики города казались такими чистенькими, точно вымытыми чисто-начищо в этот ранний утренний час. И как весело было торговаться и спорить вместе со старой Драгой, с продавцами-крестьянами, не выпускавшими своих трубок изо ртов, под визг пороссят, привязанных на веревках к колесам повозок. И потом возвращаться домой, нагруженными покупками и пить горячий турецкий мокко, мастерски приготовленный матерью. А вечером прогулки в тенистых аллеях Калемегдана (Калемегдан -

общественным парк в Белграде) над тихо катящим свои волны Дунаем. Впереди мать осторожно подвигает вперед кресло отца-калеки; за ними чинно выступают они дети: Иоле и Милица. На ней низка ожерелья из дукатов и праздничное нарядное платье. А маленький Иоле еще наряднее. На нем турецкий костюм: джемадан (*Джемадан - род жилета со шнурками.*) из алого бархата, суконная тюрче (*Тюрче - куртка*), подбитая мехом, силай (*Силай - широкий кожаный пояс*). За него заткнуты игрушечный пистолет и ножик с рукояткой из слоновой кости. И поверх этого кожаного пояса другой, еще более широкий - шелковый, с бахромой. Красивые цветные чакширы (*Чакширы - особого вида шаровары*), на голове щегольская шапочка. Когда-то этот костюм носил их герой-отец, когда был таким же маленьким, как Иоле; потом старший брат артиллерист Танасио, тоже в свою бытность ребенком. Теперь он перешел к Иоле, к красавчику Иоле, любимцу семьи.

Как тяжело было шесть лет тому назад уезжать из дома! Помнит Милица последний вечер дома. Обежала она с Иоле и Драгой улицу князя Михаила в последний раз. Сбегали к самой воде Дуная... Углублялись в тенистые аллеи Калемегдана. Слушали музыку оркестра, особенно четко раздающуюся над водой. Потом последний ужин дома. Ужин за круглым столом, озаренным уютным светом лампы. Вкусная пшенная каша, сдобренная белоснежным свиным салом с тыквой и баклажанами из своего огорода. Потом напутствие отца... Слезы матери... Опять суровые и ласковые в то же время речи родного тато (*Тато - по-сербски означает пана*) о долге, о прилежании, о благодарности великолушному русскому государю и друзьям русским и, наконец, последняя ночь под домашним кровом... Последняя осенняя ночь, Белградская ночь, с ее бархатным небом, с тихим плеском Дуная, с нежным шопотом каштанов и яблонь в саду... И печальные, заплаканные глаза матери у постели... И заглушенный подушкой плач братца Иоле, желавшего показаться во что бы то ни стало «мужчиной» в эти грустные часы, и стойко скрывавшего свои слезы перед разлукой с любимой сестренкой... А там отъезд... Смуглое лицо тети Родайки, ее утешения в дороге и тоска по оставшимся дома, злая, гнетущая тоска...

Глава III

- Милица!
- Ты, Нюша?
- Боже мой, Миличка, ты все еще здесь, а тебя там хватились. Ищут. Никому и в голову не пришло, конечно, заглянуть сюда. Кузьмичиха наша волнуется страшно, и, кажется, думает, что ты сбежала совсем. Потеха! Куда скрылась «млада сербка», не знает никто, кроме вашей покорной слуги, конечно. А ты притихла, как мышка, тебе и горя мало. И про Нюшу свою забыла совсем. Хороша, нечего сказать! - и маленькая Горелова укоризненно покачивает головкой.

- А я замечталась опять, Нюша, прости, милая! - Сине-бархатные глаза Милицы теплятся лаской в надвигающихся сумерках июльского вечера; такая же ласковая улыбка, обнажающая крупные, белые, как мыльная пена, зубы девушки, играет сейчас на смуглом, красивом лице, озаренном ей, словно лучом солнца. Так мила и привлекательна сейчас эта серьезная, всегда немножко грустная Милица, что Нюша, надувшаяся было на подругу, отнюдь не может больше сердиться на нее и с легким криком бросается на грудь Милицы.

- Я люблю тебя, Милица, люблю, люблю! - горячо и искренно восклицает Нюша. Потом отстраняется от Милицы и смотрит в лицо подруги пытливо и серьезно, не говоря ни слова, несколько секунд.

- А у тебя опять заплаканные глаза, Миля? Ты плакала, да? О чем?

Статная, сильная Петрович на целую голову выше свое маленькой, хрупкой подруги. Она быстро наклоняется к Нюшиному уху и шепчет ей тихо, чуть слышно:

- Молчи, молчи... Если бы твои мать и отец и любимый брат, такой, как Иоле, находились бы так далеко, могла бы ты веселиться без них?

- Упаси, Бог! - с искренним ужасом прерывает ее Нюша.

- Ну, так вот, видишь. Вот почему я и не могу быть веселой сейчас. Однако, пойдем... Боюсь, чтобы не вышло неприятностей на самом деле.

- Вот, когда хватилась! Ах, млада сербка, млада сербка, угомона на тебя нет, - забубнила ворчливым тоном Нюша, заставляя снова проясниться улыбкой строгое и грустное лицо подруги.

Алые краски заката давно погасли. Тихий, прохладный июльский вечер уже спел над садом прозрачную паутину своих грустных сумерек. В окнах большого здания засветились огни. И Бог знает почему, напомнили эти освещенные окна института другие далекие огни Милице Петрович: золотые огни белградских домов и крепости, и огромного дома скопинцы, отраженные черными в вечерний поздний час водами Дуная.

И опять болезненно сжалось сердце острой тоской, тоской по родине. И тяжелый вздох вырвался из груди Милицы.

Ужин был уже кончен, когда обе девушки появились в столовой. Шла вечерняя молитва. М-ле Кузьмичева метнула строгим взором из-под очков в сторону вошедших, но, встретив спокойный и невинный взгляд больших синих глаз Милицы, как-то успокоилась сразу.

Милица Петрович была гордостью и украшением Н-ского института. Училась и вела себя она прекрасно и считалась здесь одной из примерных воспитанниц. Во всяком случае, чего-либо дурного от нее ожидать было никак нельзя, а такой поступок, как самовольное опоздание к ужину и к молитве в летнее каникулярное время считалось далеко не такой уже важной провинностью против институтских правил.

Стройными рядами выстроились институтки около столов, ближайших ко входу в столовую. Остальные столы, дальние, пустовали. Весь институт отсутствовал, разъехавшись на летние вакации, за исключением старшего класса, которому надлежало, согласно старым традициям, проводить лето в учебном заведении для усовершенствования в языках и церковном пении, да еще десятка два воспитанниц младших классов, родители или родственники которых, по домашним обстоятельствам, не могли взять девочек на летнее каникулярное время домой. Огромная полупустая столовая казалась теперь еще больше. С дальнего образа, озаренного тихим мерцанием висячей лампады, кротко сияло ясное лицо Спасителя, благословляющего детей. Сколько раз это божественное лицо приковывало к себе взоры Милицы на вечерней и утренней молитве. Сколько раз ей, еще маленькой седьмушке (*Младшим классом в институте считается седьмой*), потом, позже, воспитаннице-подростку средних классов представлялось, что там, на этой священной картине-образе, находятся и они оба - она и Иоле, ее

черноглазый братишко, и их обоих, в числе других детей, благословляет Христос.

Со дня своего отъезда из Белграда, Милице ни разу еще не приходилось съездить хотя бы на самое короткое время домой. Все эти шесть лет проводила она каникулы у тети Родайки Петрович, снимавшей на летнее время крошечную избушку-дачу в одной из пригородных деревень. Теперь Иоле уже, конечно, не тот, каким она его помнит, важно выступающим по тенистым аллеям Калемегдана, в его живописном праздничном наряде.

В последнем письме мать писала Милице, что у него уже пробиваются усики и что он делает поразительные успехи в военной школе, на радость им, старикам.

Как скоро промчались, однако, эти шесть лет, несмотря на долгую разлуку! Уже восемнадцатый год пошел Иоле, а ей, Милице, уже стукнуло шестнадцать минувшей весной... Она - почти большая.

... «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое»... красиво и стройно заканчивает всеобщую молитву хор певчих-институток, прерывая мысли Милицы. И вслед за тем с шумом отодвигаются деревянные скамьи. Институтки снова выстраиваются в пары и направляются к выходу из столовой.

- Миличка!... Милица!... Петрович!... Где ты была, млада сербка? Куда за пропастилась, скажи, пожалуйста? Кузьмичиха наша уже заявление в полицию подавать собиралась... Всех сторожей на поиски разослала и сама над ними командование принять уже собралась... Видишь, какой у нее воинственный вид приобрелся сразу. Экспедиционный отряд вышел бы хоть куда!...

О, эта Женя Левидович! Всегда насмешливая, всегда подтрунивающая над всем и над всеми.

Милица хочет ответить однокласснице в том же шутливом тоне и не успевает. Навстречу двум длинным шеренгам воспитанниц, подвигающимся к выходу из столовой, появляется инспекtrиса Н-ского института, Валерия Дмитриевна Кропова, заменяющая должность уехавшей лечиться на летнее время за границу начальницы. Лицо Валерии Дмитриевны сейчас торжественно и бледно. В руке она держит лист газеты, и пальцы, сжимающие этот лист, заметно дрожат. И так же заметно вздрагивают в волнении сухие старческие губы.

- Дети, - обращается она к остановившимся сразу при ее появлении посреди столовой воспитанницам, - дети, то, чего так трепетно ждали эти последние дни на нашей славной родине и в далеком маленьком королевстве Сербии, свершилось. Вы уже знаете, что какие-то злоумышленники в Сараеве, в городе, населенном по большей части славянами и отошедшим несколько лет тому назад от Турции к Австрии вместе со всей Боснией и Герцеговиной, убили австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда и его жену во время их пребывания там. Австрийское правительство, всегда весьма недоброжелательно относившееся к славянам, обвинило теперь в этом убийстве тех, кто совершенно не повинен в ужасном кровавом деле и представило сербскому правительству карающие за это убийство условия, такие несправедливые и жестокие, которые другое государство отвергло бы с негодованием и возмущением. Но Сербия, не желая нарушать мира, вопреки даже чувству своего достоинства, как самостоятельного и независимого государства, все-таки согласилась почти на все эти ужасные требования, кроме одного-двух пунктов... Однако, Австрия, ища во что бы то ни стало разрыва своей маленькой соседки, несмотря даже на ее уступки, объявила ей войну. И вот, из этой газеты уже известно о нападении австрийцев на сербское